ШКОЛА
под микроскопом

ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА Семьи Шостаковичей
Основана в 1998 году

Над номером работали:
А. Акуленко
В. Балутина
О. Басюкевич
К. Галяпина
Е. Касаткина
М. Малафеев
Л. Ожегов
А. Платонова
С. Пую
Е. Салмина
М. Сидорова
В. Трифонова
К. Трифонова
Е. П. Касьянова

№ 27
2021

ТЕМА НОМЕРА:
Профессии

Газета общеобразовательной православной школы семьи Шостаковичей
school-shostakovich.ru school@school-shostakovich.com

Дмитрий Владимирович:

«*Меня вдохновляет все, что я вижу хорошего*».

Начиная работу над выпуском, посвященным профессиям, мы обратились к той профессии, с представителями которой встречаемся особенно часто — и взяли интервью у нашего учителя географии Дмитрия Владимировича.
Давайте познакомимся со взглядом на наш мир с географической стороны.

Почему вы выбрали географию как предмет?
У меня было два любимых предмета, история и география. Но у истории нет прикладных сфер применения, можно быть учителем истории, либо быть ученым, писать труды. А вот работать в какой-то прикладной области не получится. А в географии такие прикладные сферы есть. Например, экология или топография. Поэтому я выбрал географию и поступил в университет.
Кем вы хотели стать в детстве?
Много кем. Хотел стать пожарным, потому что у меня была книга про пожарных и в ней было много фотографий,но меня вряд ли бы взяли из-за плохого зрения. Еще я хотел стать инженером-конструктором, чтобы конструировать автомобили, водителем автобуса, потому что очень любил стоять за водителем, за стеклом, и представлять, что я управляю автобусом. Это было, когда я был совсем маленький.
Вы когда-нибудь ездили в путешествия или экспедиции, связанные с предметом деятельностью?
Обычно, когда я езжу в путешествия, то пытаюсь географически просветиться, а не только полежать где-нибудь. Побывать в каких-то местах, которые, действительно, и на уроке географии интересны.
Например, я ездил на Соловецкие острова, это острова в Белом море, там мы жили в палатках. Было холодно, хотя это и был июнь. Там лежал снег. Жили мы там неделю примерно, исследовали местную фору, плавали на лодках.
Кроме того, у нас в университете была полевая практика, когда мы ездили под Лугу, в специальное место. Жили там, делали разные эксперементы, копали ямы, смотрели разрез почв.
Когда вы изучили географию, изменилось ли ваше видение мира?
Конечно. Например, если я что-то покупаю и ем, я обязательно посмотрю, где это сделано. Начинаю думать, почему оно там сделано, почему не в другом месте. Ну и вообще, смотришь на все в окружающем мире через призму географии. Пытаешься объяснить, почему сейчас такая погода, почему она изменилась.
Вы когда нибудь хотели сменить профессию или уйти глубоко в науку?
На самом деле, такие мысли меня достаточно часто посещают. Потому что, когда долго занимаешься чем-то одним, начинаешь думать: «Вот мне 30 лет, неужели я еще следующие 30 лет буду преподавать географию в школе?». В общем, как-то меня это пугает. Конечно, хочется это поменять. Например, есть мысли получить новое образование, и уехать в Австралию, например. Такая вот у меня есть мечта. Но все это сложно, потому что ребенок, семья, родители. Посмотрим. Не знаю. Кроме того, работа

учителем очень много времени занимает, и на какое-то образование остается времени. Каждое лето хочется как-то самообразовываться, но в итоге ты в основном отдыхаешь.

Чем хороша работа в сфере географии?

Это постоянное развитие,ты узнаешь что-то новое, изучаешь что-то новое.

Кто вас вдохновляет?

Меня на самом деле вдохновляют дети, потому что не так часто ты бываешь на уроках коллег. Чаще всего вдохновляют дети, их интересы и знания, их реакция на твои уроки. Да вообще многое меня вдохновляет. Например, мы смотрели сериал «Корона», про королеву Елизавету. И я вот вчера думал, как было бы здорово, если бы у меня уроки были так же логичны и интуитивно понятны, как сериал. То есть там прямо все характеры раскрываются из серии в серию, но ты не замечаешь этого. Ты не чувствуешь,что тебе авторы сериала что-то рассказывают, дают новые знания, раскрывают характеры. Это происходит очень незаметно. Ты это воспринимаешь как естественное течение своей жизни и жизни людей на экране. Ты веришь этому. Так что меня вдохновляет все, что я вижу хорошего, и люди, и какие-то произведения.

Как вы относитесь к классному руководству?

Я, честно говоря, боюсь этого. Потому что у меня был опыт с маленькими, с пятым классом, не очень хороший. Я только начинал свою работу в школе, и мне было трудно. Мне было проще со старшими, потому что мы были ближе по возрасту, а с маленькими надо все-таки посюскать, приобнять. А это было как-то не вполне для меня. Сейчас я, наверное, уже могу посюсюкать, потому что есть свой ребенок, дочка. А в остальном к классному руководству отношусь хорошо. Я выпустил несколько девятых классов и, наверное, это обязательно должен попробовать каждый учитель, который работает в школе. А вот получится у него или нет, это зависит от его личности, от характера. Я считаю, что не каждому учителю дано быть классным руководителем. И то что в некоторых школах быть классным руководителем обязательтно, я считаю, что это неправильно. Если ты хочешь быть классным руководителем, ты можешь, конечно. А если не хочешь, то не надо заставлять, ведь это же огромная ответственность. Когда ты воспитываешь детей, ты для них главный человек. Классное руководство — это серьёзная вещь. Может быть, я уже созрел, может быть, нет еще. Может, никогда не созрею. Не знаю, какой я классный руководитель. Надо у детей моих спрашивать. Но, вроде, им было ничего.

Когда вы учились в школе, участвовали в олимпиадах по географии?

Участвовал. По географии и истории. По истории я проходил на район и занимал там неплохое место. Но у нас в школе не было серьезного олимпиаднодо движения, скорее, это было исключение.

Какой бы вы задали вопрос сами себе, если бы брали у себя интервью?

Ну что-нибудь с личной жизнью связанное, наверное. Это всегда детям интересно.

Как вам до сих пор это все не надоело?

Сколько вы времени тратите на уроки и как находите время на общение со своими друзьями?

Откуда у вас жена вообще, с такой занятостью?

Беседовали О. Басюкевич, Е. Касаткина

Лариса Юрьевна:

Как вы поняли, что хотите посвятить свою жизнь творчеству?

Когда я пошла в художественную школу. Мне очень повезло с педагогом, вот пришла в художественную школу и встретила человека, из-за которого мне захотелось также рисовать и преподавать. Вот в художественной школе ведь все объединяется, он был недавним студентом, мы ему даже кличку дали «Кирпич». С чего вдруг кирпич? У него очень был крупный замочек на куртке, такой огроменный, похожий на кирпич.

Прошло много лет, но мы до сих пор поддерживаем отношения.

А что вы больше всего любили рисовать в детстве?

Свою жизнь, то, что меня окружает, своих одноклассников, себя в зеркало, ну так как все интересуются собой, тем, что из себя представляют.

А как вы считаете, чтобы стать художником, нужно ли заканчивать художественную академию, или просто иметь среднее художественное образование?

Если быть профессиональным художником, то, конечно, обязательно нужно образование! Профанацию я не поддерживаю!

А если просто художником?

А чтобы быть просто свободным художником свободным, ничего не нужно, почти все люди — художники, потому что каждый день занимаются творчеством. Утром мы открываем глаза и решаем, во что мы оденемся — и это тоже творчество. Творчество — это выбор.

А вы научились рисовать в художественной академии?

Нет, есть много художественных вузов, не только академии, есть и при университете. Я заканчивала художественно-графический факультет, диплом которого дает право быть педагогом-художником.

Что вас вдохновляет творить ?

Дети! Они придумывают то, что я даже и не могла бы!

У вас когда-нибудь был творческий кризис?

Да постоянно, слушайте, ну постоянно, как у всех! Вот мы маемся, что-то думаем, ведь проблема выбора всегда существует, и это кризис. Вот интересно, какую тему дать, такую или такую, маешься, или вдруг не знаешь, как дальше продолжать с детьми, или вдруг они не берут то, что ты принес. Недавно, вот буквально на этой неделе была тема «Русское искусство» я столько подборок фотографий сделала, допоздна подбирала какие-то формы старинных сосудов, самоваров коллекционных, показала, а им не интересно, ну не хотят самовар, и это мой кризис тоже. Неинтересно! То ли я подала неинтересно, то ли тема вообще далекая, неинтересная.

В каком настроении вам рисуется лучше всего?

Когда я здесь, вот мне нужно это пространство, в настроении, когда, например, вдохновили и ушли. Я в субботу остаюсь, вот и держится здесь энергия и душа творческая.

Вам не нравится рисовать дома — или что-то мешает?

Дом — это дом, а здесь мастерская, все материалы под рукой. Что бы это за дом был, если бы там одни краски стояли, это же не дом! Дом там, где стол, скатерть, где любимое кресло, где кровать, это же дом, для того, чтобы жить там.

Что для вас значит искусство?

Это вся жизнь! То, что нас окружает — это искусство! Вся

«Учителя искусства — привратники, они открывают двери в рай».

эстетика!

Как вы думаете, с помощью вашей картины вас можно узнать получше ?

Я считаю, что практически нет. Мои картины отображаются через работы детей. У каждого же есть свой стиль рисования. А мне нужно передавать, транслировать, открывать двери в искусстве для других. Я, наверное, привратник больше. Учителя искусства — привратники, они открывают двери в рай, а сами туда практически не заходят. Не успеваешь творить. Только ворота в рай открывать, помогаешь пройти, советуешь, какой походкой лучше пройти.

Вы бы хотели сделать свою выставку?

У меня очень часто бывают выставки с детьми в моей мастерской, каждые две недели меняется галерея. Это же тоже моя выставка, я не считаю её чужой.

У вас есть какая-нибудь особенность?

Особенность есть у каждого человека. Мне больше всего нравится разнообразие. Не останавливаться, не зацикливаться. Это моя особенность, я хочу бежать в разные стороны.

Как отличить хорошую картину от плохой?

Если тебя задевает картина, значит, она хорошая. Если возникает воспоминание или мысль какая-нибудь. Вот другие говорят: «Ой, да она не может тебя трогать». Нет, может. Просто свет, сочетание цветов трогает. Например, красный с черным — трагедия, а белый с зеленым — праздник. Она зацепляет и трогает.

Как бы вы описали свое творчество?

Через творчество детей. Разнообразие. Это и плюс, и минус. Я не останавливаюсь на каком-то одном материале или отдельном изображении. Даю возможность другим людям попробовать.

Есть минусы быть художники?

Да, конечно. Минусы быть художником — это невостребованная профессия.

А плюсы?

Плюсов намного больше, ведь это моя любимая профессия. Первый — уход от рутины. Разнообразие. Я бы никогда не смогла работать в офисе и делать одну и ту же работу. А здесь я могу всё. Я за развитие.

Были ли трудности?

Трудно носить большой мольберт, я же маленькая. Неприятно, когда рисуешь и кто-то заглядывает через твоё плечо. Это неприятно. Художник должен сначала сотворить, а затем вынести это на «суд». Это мне и мешало.

Беседовала М. Сидорова

«Все работы хороши, выбирай на вкус!»

Каждый подросток сталкивается с проблемой выбора профессии. А нравится ли мне это? А поможет ли мне эта профессия в жизни? А сложно ли будет учиться? А не разонравится ли мне? А что я буду потом с ней делать?

Эти и многие другие вопросы давят на тебя, и ты не можешь выкинуть их из головы. Даже если в интернете ввести: «Как выбрать...», то сразу же выскакивает продолжение: «профессию, если не знаешь, чего хочешь». Иногда кажется, что было бы даже лучше, если бы мама сказала, что ты будешь врачом или экономистом, — выбора нет, но зато ломать голову над этими вопросами не приходится.

В 9 классе все эти вопросы непременно начинают приходить на ум, ведь впереди у тебя ОГЭ, и приходится выбирать, какие дополнительные предметы сдавать. Обычно все, кто не знают, что сдавать, сдают обществознание и английский, как и я. Мы руководствуемся мыслью о том, что английский всегда пригодится, это актуально и не очень сложно. И обществознание выбираем, потому что это не самый сложный предмет, и даже жизненный опыт поможет ответить на пару вопросов. Конечно, кто-то выбирает эти предметы по другим причинам.Но к сожалению, я не из этих людей.

Я понимаю, что я уже в 9 классе и пора уже об этом задуматься, ведь скоро 11-й, ЕГЭ, университет, работа... Но как отбросить все сомнения, чтобы быть на сто процентов уверенным в том, что ты сделал правильный выбор? А вдруг он будет неверным, и ты будешь жалеть об этом?

С одной стороны, все говорят, что у тебя жизнь одна, и лучше жить вовсю, не волнуясь об ошибках, но, с другой стороны, не так уж много времени нам дано, чтобы их совершать. Ведь время летит так быстро, кажется, только недавно я пошла в первый класс, а два года длятся, как два часа.

Есть много разных способов определиться с профессией. Кто-то проходит профориентационные тесты. Например, тест для выбора профессии: по темпераменту, предмету деятельности, IQ, типу личности, интересам и так далее. Кто-то обращается за помощью к специалисту. Обычно при образовательных учреждениях и в специализированных центрах работают психологи-профориентологи, которые помогают определиться с тем, кем подросток хотят стать во взрослой жизни. Также существуют разные методики, инструкции, которые, тем не менее, не дают полной уверенности в совершенном выборе.

Хочется, чтобы на все вопросы ответили так, чтобы у тебя не было никаких сомнений!

Я решила спросить у Наташи Шаталовой, выпускницы нашей школы, которая учится сейчас на втором курсе, с какими проблемами и трудностями она сталкивалась, когда выбирала вуз и вообще как у нее проходил этот выбор. Она задала себе несколько вопросов: Что я умею делать? Насколько широка сфера, к которой относится эта профессия? Можно ли будет поехать в командировку? Сидячая или не сидячая работа? Нужно ли взаимодействовать с людьми? Что надо сдавать на ЕГЭ? Ответы на эти вопросы и определили дальнейшее развитие событий.

Также Наташа мне рассказала, что для нее была важна была перспектива после университета сразу устроиться на работу и начать зарабатывать деньги, а также приносить пользу обществу.

При выборе конкретного вуза у Наташи было несколько вариантов: что-то связанное с музыкой, медицинский, актёрское и журналистика. Музыку она не выбрала, хотя очень в ней хороша, так как конкуренция в этой сфере крайне высока. Медицинский она отвергла, над актерским Наташа слишком долго думала, и в конце концов поступила на факультет журналистики.

Да уж, принимать решение очень непросто, но я надеюсь, что справлюсь, и у всех, кто будет принимать это сложное решение, все получится!

Е. Салмина

Самые востребованные профессии недалекого будущего

Ты уже прошел все возможные тесты по профориентации, но все равно не знаешь, куда поступить? Я помогу тебе! В этой статье я расскажу о профессиях, актуальных для поступления в 2021 году.

Еще в 2010-15 создавались прогнозы на 2020 г. Какие профессии появятся? Какие исчезнут? Какие навыки и качества будут нужны человеку в будущем? В 2010 году британская компания Fast Future составила список 20 профессий, которые возникнут в ближайшие 20 лет. Вот они:

1.Разработчик протезов;

2. Нано-врач;

3. Специалист по выращиванию генетически модифицированных культур и скота;

4. Пилот космического корабля, космический архитектор, космический гид;

5. Специалист по предотвращению изменения климата

и еще 15 профессий.

Пять этих профессий связаны с медициной, две – с фермерством, а все остальные – со сферой IT. Эти прогнозы весьма оптимистичны. Конечно, «виртуальных юристов» пока не появилось, но юридические услуги могут оказываться и онлайн.

Компания Forbes видели будущее в 2010 несколько иначе. В их список «10 профессий нового десятилетия» вошли:

Универсальный солдат;

GR-менеджер;

Сиделка, геронтолог;

Эксперт в сфере альтернативной энергетики;

Специалист по ведению бизнеса в странах Африки;

Журналист-агрегатор;

Специалист по труднодобываемым запасам нефти;

Селекционер, специалист по генной инженерии;

Урбанист, специалист по развитию территорий;

Эксперт по абсорбции, национальным и религиозным конфликтам.

Прогнозы частично оказались верными. По итогам десятилетия в России 2020 г оказались самыми важными три сферы: IT, педагогика и медицина.

По данным опроса «Профессии будущего», проведенного порталом «Работа в России», в будущем будут актуальны следующие сферы:

IT;

Промышленность;

Медицина.

Но речь идет не о профессиях вроде врача-терапевта или программиста. Результаты опроса говорят о том, что, в медицинской сфере очень важными окажутся следующие профессии: проектировщик медицинских роботов; генетический консультант, консультант по здоровой старости. Конечно же, квалифицированные специалисты в медицине будут востребованы всегда, и это направление будет беспроигрышным вариантом, но есть и свои минусы: чтобы стать хорошим врачом нужно долго учиться.

В заключение хочу сказать, что насколько эта профессия ни была бы актуальна, сколько бы за нее вы ни получали, не менее важно и то, чтобы вы получали удовольствие от вашей работы. Я сама уже в 9 классе, и я понимаю как ужасно давят на вас ОГЭ и ЕГЭ, но, как говорят все мудрые люди, которых я встречала, надо пробовать – и пробовать много. Нужно не боятся поступить не туда или не сдать экзамен. Делайте, что любите. Звучит просто, но и сложно одновременно, правда?

В. Балутина

Профессия: врач

В размышлениях о грядущем выборе может помочь опыт тех, кто его сделал. Кира Галяпина поговорила с Екатериной Александровной Галяпиной, Максим Малафеев — с Вячеславом Александровичем Малафеевым, а Александр Дебижев — с Сергеем Геннадьевичем Дебижевым.

Екатерина Александровна, в каком возрасте вы заинтересовались медициной? Хотели стать врачом, или это судьба завела?

У меня перед глазами всегда была моя любимая бабушка, стоматолог, каждое лето я проводила у неё в гостях. Мне казалось, что лучше профессии быть не могло. Поэтому я всегда знала, что буду стоматологом. Всегда в школе уделяла большое внимание предметам естественнонаучного цикла.

Что делать, чтобы достичь хорошего уровня в профессии, связанной с медициной?

Очень много и долго учиться, проходить практику. При этом нельзя забывать про свои человеческие качества, хорошим врачом может стать только тот, кто любит своих пациентов.

Что ещё, кроме практической выгоды, получает человек от профессии врача?

Самое главное — возможность помочь человеку, увидеть, что ему стало лучше.

Понятно, что предпочитаете стоматологию, но если сейчас вы могли бы выбрать другое направление, какое бы вы выбрали?

Стала бы педиатром. Мне всегда нравилось работать с детьми.

Рекомендуете ли вы своим детям стать доктором?

Рекомендую только в том случае, если они готовы посвятить этому всю свою жизнь.

Какой предмет был любимым в школе? Почему?

Моими любимыми предметами в школе были биология и химия. Мне они легко давались и увлекали. В биологии самые интересные разделы про анатомию человека, а по химии я любила лабораторные.

Что из этого пригодились в обычной жизни?

В жизни мне очень помогло понимание строения организма, я знаю, как протекают какие болезни и могу помочь семье, если это нужно.

Каковы недостатки профессии?

Недостатки — это переживание за пациентов. Ответственность, принятие непростых решений.

Какие предметы были самыми сложными и самыми лёгкими в институте?

В институте я любила предметы по специальности, ещё биохимию и физиологию.
Самый сложный, но и самый интересный предмет — это анатомия. Наверное, самый запоминающийся год в институте — это год в анатомичке. Сложно привыкнуть к умершим, сложно прикоснутся и что-то сделать, но без этой ценной информации никуда.

Какими качествами нужно обладать, чтобы стать врачом?

Самое главное — это собранность и внимательность, нужно всегда помнить обо всех вариантах развития событий: как может дальше идти болезнь? Как предупредить последствия?

Какое самое яркое воспоминание студенческого периода?

В больнице самое запоминающееся — это реанимация. Там ты понимаешь всю ответственность, как серьезно надо учиться, чтобы спасать людей.
Профессия врача всегда будет востребована в любой стране. Роботы начинают заменять людей, но докторов машины не смогут заменить.

Профессия: вратарь

Вячеслав Александрович, расскажите о себе. Как вы можете охарактеризовать себя в двух словах?

Целеустремлённый профессионал.

Когда вы решили стать футболистом и почему?

Я не решал стать футболистом. Меня папа привёл в футбольный клуб вместе со старшим братом, и у меня стало получаться.

Что послужило толчком к занятиям футболом?

Я пошёл по стопам брата в ФК «Смена», который находился рядом с домом. В то время все занимались спортом. И наш папа очень любил футбол.

Какими были первые шаги?

Первые шаги были не самыми лучшими. Я не сдал свой первый тест, пришлось сдавать повторно, и тогда я прошёл.

В чём плюсы и минусы футбола?

Плюсы – это общение с ребятами, командная игра, спорт, физическая подготовка, Возможность путешествовать. Если удастся добиться хороших достижений, то можно обеспечить свою жизнь, свою семью. Узнаваемость, популярность. Минусы: не все достигают высоких результатов. Травмы. Жертвовать нужно чем-то, отказываться от того, что нравится.

Опишите своё самое большое достижение и самый впечатляющий провал.

Самое большое достижение: удалось всё выиграть на клубном уровне: Кубок UEFA, Суперкубок UEFA, чемпионаты России, Суперкубки России, играть в сборной России по футболу.

Любой провал или любое поражение – это опыт, это возможность проанализировать ошибки и добиться результатов на высоком уровне.

Какое у вас амплуа?

Вратарь.

По какому принципу вы выбрали позицию вратаря?

В детском возрасте тренеры пытаются найти мальчишкам свое место, смотрят, что у них лучше получается, экспериментируют. В этот момент у меня не очень хорошо получалось быть полевым игроком. Потом меня попробовали как вратаря, и у меня стало получаться.

Как вы отдыхаете от футбола ?

Самый лучший отдых – побыть с семьей. Съездить за город, почитать книгу, послушать музыку. Если отпуск – Путешествовать.

Что для вас было самым сложным?

Самым сложным было преодолевать трудности. Вначале, когда я выходил на игры, было очень большое волнение.

После отпуска первые два-три дня тренировок были самые сложные и тяжелые, все болит, тело ломит. Но со временем привыкаешь.

Вы много добились в профессии. Изменила вас популярность?

Удалось добиться многого. Популярность? Нет, не изменила. Но бывали моменты, приходила звёздность, раздавал всем интервью, говорил что-то лишнее. Но со временем научился себя контролировать. Понимаю, что популярность – это ответственность перед людьми, нужно стараться быть хорошим примером, жить правильной жизнью.

Профессия: режиссер

Сергей Геннадьевич, когда вы учились в школе, то мечтали ли работать в кино?

Я очень любил кино, но совершенно не думал о том, что буду им заниматься. Меня привлекало высокое искусство (живопись), поэтому я собирался стать художником.

Какой ваш любимый фильм?

Хороших, по-настоящему хороших фильмов очень мало. Мы можем по пальцам пересчитать настоящие достижения кинематографа. С моей точки зрения, все фильмы делятся на две категории; одна категория – это те, которые очень нравятся людям, это популярные фильмы, хиты, а другие – фильмы, которые двигают кинематограф в смысле стилистики различных приемов съемки и монтажа . Мой любимый фильм в таком фундаментальном кинематографе – это, конечно, «Прошлым летом в Мариенбаде» режиссёра Алена Рене и фильмы Андрея Тарковского «Андрей Рублёв» и «Иваново детство». Что касается популярного кинематографа, то это всеми нами любимые фильмы «Белое солнце пустыни», «Кавказская пленница», «Джентельмены удачи».

С какими трудностями вы сталкиваетесь в своей профессии?

Профессия режиссёра подразумевает практически непреодолимые трудности. Кинематографический процесс – это скандал, это трагедия, это катастрофа. Считается, что работа режиссёра по своему напряжению приравнивается к работе авиадиспетчера, но я считаю, что авиадиспетчеры просто отдыхают в сравнении с тем, что приходится выносить режиссёру, потому что на него сходится все нити. Он должен в единицу времени принимать огромное количество решений по самым разным департаментам. К нему постоянно подходят то декораторы, что-то спрашивают, то операторы, то художники по костюмам, то художники-постановщики, то гримеры, то артисты. И все они пытаются выжать из режиссёра нечто, чтобы они уже сами ничего не думали, а только выполняли, что им говорят.

А какие самые приятные моменты в работе режиссёра?

Самое приятное в работе режиссёра – это то, что приходит после завершения работы над фильмом. Это призы, аплодисменты – и самое главное, удовлетворение от того, что твой замысел, несмотря ни на что, удалось воплотить, и что ты сделал то, что до этого никому не удавалось. Ведь главное в жизни – делать только то, что можешь сделать только ты. Тратить свою жизнь, единственную, данную Богом, на то, что может сделать кто-то другой, мне кажется, это расточительство. Главное – найти своё призвание.

Нужен ли в этом деле талант? Какие качества должны быть у режиссера?

Каждый человек обладает тем или иным талантом. Но нужно понимать, что если ты в состоянии управлять большим количеством людей, принимать в единицу времени множество решений, компоновать смыслы, а главное – вдохновлять людей, то ты можешь стать хорошим режиссером. Миром правят не ответы, а миром правят вопросы, и чем больше каждый из нас будет задавать себе вопросов и на них внутри себя отвечать, тем осмысленнее будет его жизнь.

А как эта профессия выглядит со стороны? Какие смежные специальности с ней связаны? Размышляет Лев Ожегов.

Режиссер – это человек, который управляет всеми творческими процессами в театре, кино и на телевидении. Спектр его обязанностей весьма широк. Первые постановщики появились еще в эпоху античного театра, а вот само понятие «режиссер» возникло сравнительно недавно. Владимир Даль дает ему следующее определение: «Человек, управляющий актерами, игрой, представленьями, назначающий, что давать или ставить, раздающий роли». Как профессию режиссуру стали воспринимать лишь в конце XIX века. Естественно, поначалу ее связывали только с театром, но уже в первые годы XX столетия, когда кинематограф стал стремительно развиваться, постановщики потребовались и там. Затем дошла очередь и до телевидения.

За последние сто лет представления о профессии несколько изменились и возникли следующие специальности:

Режиссер-постановщик – человек, который возглавляет съемочную группу, но администрированием как таковым не занимается. Он отвечает за все творческие процессы в кинопроизводстве и на телевидении.

Театральный режиссер – отдельная специальность, поскольку в сценических искусствах своя специфика работы, и мыслит постановщик спектаклей не так, как автор кинофильмов. Тем не менее, театральные мастера порой достигают больших успехов и в кино (Марк Захаров, Михаил Казаков).

Режиссер монтажа – специалист, который просматривает отснятый материал, выбирает вместе с постановщиком удачные дубли и занимается склейкой. Именно в монтажной рождаются фильмы и телепередачи в том виде, в каком их показывают зрителям.

Звукорежиссер отвечает за музыкально-шумовое оформление, а также запись речи актеров в кино и на ТВ. Тесно сотрудничает с композитором, в крупных проектах руководит командой операторов. Есть в рамках профессии и более узкие специальности: режиссер анимационных фильмов, неигрового кино, эстрады, массовых представлений. В масштабных проектах постановщику часто помогает помощник. Он участвует в подборе актеров, репетирует второстепенные сцены. Несколько иная работа у ассистента режиссера – сотрудника, который исполняет мелкие поручения и решает возникающие задачи. В этой должности часто работают студенты творческих вузов, стремящиеся подготовить почву для будущей карьеры в кино или на телевидении. В целом работа связана одновременно с творчеством и управлением. В театре чистого искусства больше, поскольку на телевидении и в кинематографе много времени уходит на работу с техникой. Кроме того, сцена дает больше творческой свободы: в кино фантазию режиссера зачастую ограничивают продюсеры, думающие в первую очередь о финансовом успехе фильма. Поэтому люди, которых интересует искусство в чистом виде, обычно стремятся в театр.

В рамках творческого процесса режиссер решает одновременно множество задач: корректирует сценарий, назначает актеров на роли, проводит репетиции, руководит съемкой в кино и на телевидении. Конечно, непосредственно операторской работой, звукозаписью, освещением и разработкой декораций занимаются специалисты с соответствующим образованием, но они, как и все участники творческого процесса, действуют сообразно с волей постановщика. Он – источник всего, что происходит на сцене или съемочной площадке.

Это основные особенности и черты профессии режиссера.

Я больше интересуюсь направлением в режиссуре киноиндустрии, и читая и анализируя тематический материал, могу сделать вывод, что наиболее успешно работают те постановщики, у которых получается творческий союз с продюсером, либо продюсер доверяет режиссеру и даёт ему полную свободу, что, конечно же, встречается нечасто. Таким образом, режиссер, помимо знания психологии, должен ориентироваться в такой науке как конфликтология, иметь представление о дипломатии и неплохо разбираться в экономике и финансах, то есть говорить на одном языке с продюсером.

Режиссер, в моем представлении – это не только широко эрудированный специалист, но и человек, не игнорирующий такие науки как физика, химия, биология, которые напрямую с профессией не связаны. Это не значит, что он должен иметь научные степени в этих науках, но если режиссер желает создавать на киноэкране миры, созидать и творить будущее для человека, то в основополагающих движущих вселенную силах разбираться обязан.

Продолжаем размышлять над темой номера. В ход идут художественные образы.

Анна Акуленко

Профессия: шахтер

Сегодня на улице дождь... Всё утопает в грязи и сырости. Давно уж не бывало в нашем краю таких затяжных ливней, как сегодня. Мне невыносимо хочется пить, я нехотя встаю с кровати и медленным шагом подходу к прикроватной тумбочке, наливаю воду в грвнёный стакан и наконец утоляю жажду. В эту минуту мой разум неимоверно пуст и отстранен от любых раздумий. Мутный сонный занавес ещё не отступил от моего взгляда и мыслей. Ничто не тревожит мой рассудок и не нависает надо мной грузной тучей воспоминаний. Но каждый день я вынужден отгонять и стирать этт состояние безмятежности и отсутствия тревоги... Чтобы проснуться, я безмерным усилием воли отодвигаю плотные занавески и в мою комнату, как безумное, врывается солнце. Я резко закрываю глаза и быстро отхожу от ненавистного окна. Затем умываюсь холодной водой и от былого состояния уже не остаётся ни капли. Я тяжело вздыхаю и вытираю лицо старым полотенцем. Наконец усаживаюсь в уютное кресло, попутно посматривая на давние фотографии, и утопаю в воспоминаниях...

1992 год, время перестройки... Мне двадцать с лишним лет, я закончил технический колледж и вынужден был уехать на юг страны, дабы суметь прокормить свою семью. Мне подвернулась работа на шахте. Я никогда ранее не думал о том, что мне когда-нибудь предстоит здесь работать. Однако, сколько себя помню, я всегда уважал эту профессию и считал её в высшей степени опасной и ответственной. Впрочем, что тут говорить, так и оказалось. Но стоит сказать, что приехал я сюда во времена совсем не лучшие. Только недавно закончились забастовки шахтеров по всей стране и в воздухе всё ещё витала какая-то нестабильность и растерянность. Но волноваться было незачем. Зарплаты стали хоть и меньше, но зато выплачивались регу-

лярно. Люди были недовольны, ведь это были уже не те деньги что до перестройки, но роптать не стали, ведь во время забастовок в 89-м году зарплату не платили и вовсе, а теперь хоть что-то, на этом и позабыли...

Я всегда знал, что шахтеры — это отважные и смелые люди, в этом у меня сомнений не было никогда. Ведь в эпоху Советского союза они были такими же героями, как космонавты. Меня так учили, и всех детей того времени учили так же. Но потом вдруг что-то переменилось, уважение к профессии вдруг стало падать... Странное было время...Не знаю, с чем это связано и что на это повлияло, но молодёжь, что была после нас, уже не так охотно шла работать на шахты, и всё больше стремилась скорее уезжать из шахтерских городов, нежели приезжать. Что ж, пожалуй, сейчас забудем об этом и вернемся в то время, когда я впервые приехал в шахтёрский городишко...

Была осень. Выйдя из поезда, я оказался на весьма оживлённой станции. Ничего необычного, как всегда на вокзале толпится народ, гудят поезда. Наконец, пробившись сквозь толпы людей, я вышел на главную улицу города. Все показалось мне здесь до жути знакомым — такие же здания, скульптуры, автомобили... Затем я прошел чуть дальше, свернул за угол, и тут... тут-то уж мне все показалось таким необычным и новым. Не сразу я смог понять, что именно мне показалось таким диковинным, а потом во мне вдруг будто что-то перевернулось загудело... И наконец я понял... Люди!... Люди!... Вот что показалось мне здесь другим. Все они здесь какие-то не такие, как в моем родном городе. Все здесь какие-то будто чем-то отягощённые и задумчивые, но в то же время счастливые. Да! Никогда я не видал в своей жизни таких странных улыбок. Увидев их, поначалу я пугался, но потом осознал, что за этими тяжелыми, отягощенными выражениями лиц скрываются добрые и простодушные улыбки. Я любил наблюдать за тем, как улыбка прояснялась их лица, как изменялись они за мгновенье, и как начинали играть их глаза. Позднее я сам стал таким, как они. Это произошло как-то невольно, как-то само собой...

Что ж, помню, как я впервые спустился в шахту. Страшно было до жути... Мне выдали каску, оборудование, и мы пошли... По дороге ноги мои подкашивались, не слушались, но потом, взяв себя в руки, я отодвинул страх на второй план, и теперь уже меня охватило скорее любопытство, нежели боязнь. Мы с товарищами спустились вниз, дорогу указывали лишь фонари. Меня как новенького отправили с более опытным товарищем, и мы начали работать. Поначалу было тяжело, затем невыносимо тяжело, а затем я уже позабыл о боли в руках и ногах, о нехватке воздуха и тяжести отбойного молотка и просто выполнял свою работу. Уголь мы загружали в вагонетки. Ну и конечно не стоит забывать, что перед нами здесь ещё хорошо потрудился угольный комбайн, который снял пласт угля и открыл нам тоннели в шахте. Когда мы наконец закончили работу, мне думалось, что справился я на «ура», однако коллеги мои явно считали иначе, и произнеся целую речь о моей негодности, отпустили. Но подчеркиваю — не выгнали! Тогда я еще не осознавал радости моего положения и злился на всех, кто только приходил мне на ум. Я решил, что больше никогда не вернусь в это место, никогда нога моя больше не ступит в эту шахту! Но на следующий день я вернулся... В каком-то смысле возратился я туда из-за денег, в которых я тогда нуждался (а зарплата у шахтера была 1000 рублей!), но нельзя не упомянуть и о каком-то неизвестном мне тогда чувстве, которое преследовало меня до момента моего возвращения.

Сейчас я на пенсии, но до сих пор каждый день вспоминаю те дни своей жизни, когда вместо солнца надо мной возвышались груды угля. И до сих пор я не могу позабыть тот запах угольной пыли, что уже стал частью меня и моего существования. До сих пор меня будоражит мысль о том, что я был в недрах земли на огромной глубине, и никто и ничто меня там не ждало, но я там всё же был. Это была словно лихорадка, угольная лихорадка... Помню, каким грязным я был от сажи, какими намозоленными были мои ладони, я всё это помню, но я до сих пор этому рад, просто рад...

Я пробуждаюсь от воспоминаний, тяжело вздыхая, встаю, выглядываю за окно и вижу лишь темный покров ночи с рассыпанными на нём звездочками. На улице тишина, лишь медленно завывает ветер... Я опускаю глаза и быстро захлопываю занавеску...

Кристина Трифонова

Профессия: *Флора*

«… Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой…»

Анна Ахматова, «Летний сад»

Небо... Синее, глубокое, тихое... А в нем, будто хлопок, распустились облака... Плывут, тихо так, мирно, плывут все так же, как и вчера, и сто лет назад, и двести... как будут завтра. Для них нет времени, нет. Есть только небо и они сами... Жизнь, она не во времени, она в самом бытии, в каждом вдохе и выдохе, в каждом листочке этих старых изразцовых дубов, в каждом лучике света, мягко падающем на складки моих одежд, в каждом шаге, еще долго звучащем в низких арках, в каждом звоне куполов, в воздухе и небе, в каждом горящем теплым желтым светом окне, в каждом треске поленьев, в каждом... во всем и во всех, в нас...

Небо... Облака...

Все так же, как тогда. Тогда, когда мне вылепили глаза. Первое, что я помню, было тепло, тепло рук, рук моего Бога — молодого скульптора из Италии; и синее, большое, любящее небо.

Тогда, когда меня, под громкие крики и шум волн, бьющихся о борта коробля, куда-то везли, везли в новую жизнь.

Тогда, когда на меня глянули зоркие, дерзкие глаза, бойко похлопала по плечу чья-то увесистая рука. и улыбнулись большие губы, спрятанные под завитками усов.

Тогда, когда я впервые увидела эти липы, еще маленькими молоденькими деревцами, чьи кроны едва доставали мне до головы, а скульптуры и люди узнали мое имя — Флора.

Косыми лучами падало солнце в складки юбок, вензеля париков, сверкало в тонких бокалах, золотистым ореолом дрожало в брызгах фонтанов, жило. Пока не зашагали каблучки, не зозвенели от смеха серьги, слегка прикрыла глаза, щурясь смеющемуся солнцу. А статуи шептались. «Нет, я так больше не могу. Ведь каждый посмотрит на меня, посмеется игриво так, будто я сама грудь обнажила. А я стою дружу тут под этим ветром холодным. Вообще-то я из итальянского мрамора, мне холод противопоказан». Вздыхали деревья, шелестя молодой листвой. «А меня, шшшшш... а меня посадил... шшш... сам Петр I... шшшшш...» Я посмотрела вниз. Маленькие ручонки схватились за мои ноги, держат, обнимают. Улыбаюсь, смеюсь этой маленькой девчушке в смешном парике и легком платье. А ветер обнимает меня за плечи, кружит в вихрях облаков, кружит в эпохах.
Аккуратная черная шляпка вздрогнула, и перышко легонько качнулось. «Флора». Любопытные голубые глаза терялись в складках мрамора, перечитывали табличку, встречались с моими. «Холодно тебе, наверное, да? Ты же богиня весны...» Красивые длинные пальцы с большим кольцом гладят по волосам, увенчанным снеговой шапкой, проводят по щеке, потом прячутся где-то в кружевах шуршащих юбок, стуке тростей, пятнах из черных шляп и звонкого хохота.

Тем днем все было как обычно, та же веселость и тот же смех, те же шуршащие платья и шипящие бокалы игристого; но когда на сад опустились сырые сумерки, между ветвей и скульптур потянулась вереница дрожащих на холодном ветру факелов. Резкий, решительный стук в дверь. Стук уже не в дверь, а самой дверью — видимо, открыли с ноги. Огоньки факелов бежали по этажам, прыгали по окнам дворца, лишь в одно не зашли, в которое смотрели стеклянные глаза умершей, еще не остывшей императрицы, сжимались в ужасные фигуры, распадались, рассыпались по мраморным ступеням, застревали в ажурных балюстрадах. И крик. Ужасный, душераздирающий крик. Он взрывался в небе, разрывал его в клочья, мешался с огнем, со всполохами зимнего зака-

та, раскатанного по темному полотну, прожигал в нем новые черные дыры. А потом тишина. Тишина, кричащая громче, чем недавний мужской бас. И темнота, прожигающая все еще ярче, чем недавнее пламя.

Туманное серое небо осени по швам вдребезги разрывали крики, распарывали стоны... Теперь это в прошлом, если таковое есть для нас, статуй, в нашем мраморном вечном прошлом, картинка блекнет, воспоминания сочатся сквозь пальцы, оставляя лишь горстку разорванных мыслей и деталей, будто в калейдоскопе, осколки того страшного ноября 1824 года.

Тогда я, как и сейчас, смотрела в небо, провожала вереницы тучных, кустистых облаков и чаек, ловила первые лучи еще робкого, холодного белого пятнышка в небе, когда услышала крики. Они волной страшного плача прокатились по всему саду: «От вазы гранитной», по Весне, Рассвету, Минерве, до Амура с Психеей, до меня...

За волной крика на сад обрушилась Нева. Она необузданной силой сорвалась с оков оград, заревела как бешеный зверь и упала на город с громом и грохотом раскатов. Темное небо задрожало, налилось густым, тяжелым, вязким свинцом и прорвалось, с грохотом упало на землю, навалясь всей тяжестью туч, вылилось шумным ливнем, залилось по мостовым, по крышам, по паркетам, по венам. Люди хотя бы могут бежать. Тоже бессмысленно, но хотя бы делаешь что-то, не чувствуешь себя беспомощным. Они могут кричать. А мы лишь рот раскрываем... мы все же кричим, но кричим не тем, привычным людскому уху криком, а сердцем, всем своим большим мраморным сердцем. Но я не кричала, нет. Я снова смотрела на небо: на облака, затянувшие все и всех тягучем парным молоком, и на дождь, бьющий меня по лицу. А Нева бушевала... Заурчав утробным звуком, она вздыбилась гребнями волн, выгнула спину и, набрав побольше воздуха в свои жабры, так, что серое небо воронкой закрутило к ее сердцу, упала, вдребезги разбившись о камни мостовой мелкими шипящими кристалликами пены, потом снова собралась в волну, поднялась во весь рост и выпала на город Петра, и падала, падала, падала... Я опустила взгляд, волосы слегка выбились из прически, увенчанной мраморными цветами, но мне было все равно, прохожим сейчас не до этого, не до мраморной жизни Летнего сада. Барашки припали к моим ногам, волны бились о мои лодыжки, песок засыпался в сандалии, а я просто смотрела. Статуи, они всегда просто смотрят, пелена времени проносится мимо

или слегка касаясь их тонким слоем пыли. Смотрела на людей, исчезающих под обломками зданий, на деревья, склоняющих головы вырванных с корнями разъяренным ветром, на моих подруг — таких же мраморных статуй, бросающих последний взгляд, вздыхающих последний раз, вдребезги рассыпающихся, оставляя после себя лишь горстку мраморной крошки, упокаивающих свою красоту под толщей бурлящей воды... и над всем этим сумасшедшим хаосом светится маленькая фигурка...

Одинокая мать.
Растрепавшиеся на ветру волосы.
Упавший на плечи платок.
И душащий, горестный взгляд.
Но головка с ноготок Невы гордо поднята вверх.
Вызывающе, злобно глядя, и отдав в жертву волнам себя.
Укрывает тельцем тщедушным маленький темный комок.
Безмятежно и тихо сопит он, не зная маминых слез.
А в хаосе том воспаряет
Тонкий и чистый голосок.
Над волнами, шепчут молитву.
Спаси...
Спаси, сохрани, сохрани...
Спаси...
Сохрани...

Аминь...

Апрельское золотистое солнце длинными глубокими тенями падало на молодую листву лип, на маленькие бороздки гладких розоватых стволов, на земляные ямки от каблучков и тростей. Воздух уже пах молодыми, свежими почками, травой, бутонами еще не распустившихся цветов. А в синем небе и белых больших облаках дышала весна...

Император в новом воскресном, еще пахнувшем свежей стиркой, костюме с золотыми, подчеркивающими его густые, закрученные кверху усы, погонами гулял со своими племянниками, что-то увлеченно им рассказывал, а они хохотали... В саду никого, только хохот: густой, басистый, будто гул на барже в ранний субботний день, — мужчины и переливчатый, чистый, будто лесной журчащий ручеек — двух детей, трели птиц, звон гулкого, по-отцовски родного колокола, зовущего на воскресную службу, и легкий, весенний ветерок... Они уже возвращались назад, назад во дворец к вкусному, теплому обеду, пар от которого чуть золотится солнечным ореолом и наполняет столовую густым ароматом тепла, изразцовой печи с большими кафельными теплыми боками, из которой только-только, перекладывая из руки в руку и дуя на слегка обожженные пухленькие пальцы, достала его внизу кухарка, в полосатом фартуке, обвитом парами тимьяна, перца и гвоздики; звонкого смеха служанок, беззаботно несущих его по мраморным лестницам и словивших игривый взгляд дворецкого; легких духов, подаренных мужем на их годовщину свадьбы, и шуршащего кружевного подола платья Марии, убравшей густые черные волосы в изящную прическу, сверкающую нимбом жемчуга к приходу мужа; заговорщического шепота озорливых братьев и маленькой сестры и топота не поспевающих за братьями маленького Павлика, как его называла сестра; вся уютная суета домашего тепла и ожидания прихода отца и долгожданного ароматного обеда слилась в том

солнечном ореоле пара мягкой, пышной индейки с золотистой, чуть потрескивающей корочкой, в горячем, густом насыщенном яркими вкусами соку сочной, молодой морковки, душистого базилика и лесных, черных грибов, которые так любит Сережа... Как прогремел выстрел...

Молодой студент Казанского университета, Дмитрий Каракозов, нажал на курок. Глаза лихорадочно горят, руки слегка подрагивают, воровато оглядывается по сторонам. Пуля просвистела в миллиметре от императорского плеча, оставив черную борозду на сюртуке — стоящий в толпе зевака случайно толкнул студента, и тот промахнулся, пуля со звоном отскочила от чугунной решетки. Теперь там стоит маленькая часовня, по фронтону которой лоснятся буквы в память о чуде: «Не прикасайся к Помазаннику Моему»...

Я снова смотрела на небо. Но оно уже не то. В нем цветут не облака, а падающие со свистом бомбы, и летают вереницы самолетов, а не кричащих чаек. Небо разорвано, швов уже не видать, ниток тоже, ничего нет. Дыра вместо небо, в которой кишит война. Стонет, кричит, плачет выстрелами и свистом, кровоточит дырками вместо звезд. Время лечит... И время убивает... Люди зовут это войной, а мы — еще одной пленкой времени...

Старые, исчерченные бороздами морщинок, худые, но теплые руки старика садовника — дедушки Саши — низенького, худощавого старичка в холщовых брюках на лямках и тканевой потертой кепке, со впалыми щеками и большим морщинистым носом со мшистой бородавкой и густыми белыми бровями, сдвинутыми к переносице, обняли мое лицо, похлопали по плечу, как когда-то руки Петра, и бесцветные плоские губы прошептали: «Бывай...» А потом послышался взрыв... маленькая фигурка упала навзничь, в сырую мягкую землю, засыпало моей мраморной крошкой, как саваном белым покрыло... и снова взрыв... и снова темнота и смерть... а потом и моя темнота... темнота с запахом свежеспиленного дерева и пороха, мешающегося с запахом сырой, взрыхленной земли. Теперь я живу в деревянном ящике, засыпанном черной землей, а рядом корни деревьев, а рядом крысы скребутся, а рядом бомбы свистят...

Я стояла в этом длинном деревянном ящике и жмурила глаза. И так темно, и так, но так все кажется страшным сном, ужасной случайностью, которая не должна была произойти, по крайней мере, не с тобой... Жмурила глаза и шептала. Шуршащие легенды и старые сказки, старые, как сама жизнь, которые рассказывали дубы, песни, которые пели сестры-грации, поговорки, которые невпопад выкрикивал старый, глухой на оба уха куст рябины, глупые шуточки сатиров, от которых алели щеки девиц и просто набор бессвязных слов, будто игра в снежный ком, какие-то обрывочные фразы разных людей из разных эпох, говорящих на разном русском, молитвы... жмурила и шептала... шептала и жмурила...

А надо мной дети ударяли лопатами в мерзлую землю, сажали овощи на аллеях сада... А надо мной бомбы свистели... А надо мной жизни рождались и угасали... А надо мной была война...

И снова небо...
Синее... Глубокое... Тихое...

...А в нем, будто хлопок, распустились облака... Плывут, тихо так, мирно, плывут все так же, как и вчера, и сто лет назад, и двести... как будут завтра...

Сколько времен, сколько эпох, людей, событий, мыслей, чувств теплится, дышит, живет в этой мраморной крошке... Нет, я не кальцит и примесь минералов, Я — тысячи centum и decem, тысячи переплетающихся между собой, как страницы книги в один толстый переплет, сеть жизней тысячи людей, людей с разными историями, разными мыслями и чувствами, тысячи разных эпох, тысячи разных сердец... Я и есть Жизнь...

Снова вдыхаю весну, снова щурюсь на солнце... и так каждый год, и так каждый век, каждую эпоху жизни... но каждый раз, как в первый, как первый удар крошечного сердечка, как первый вздох новорожденного...

Облака, небо да лебеди в маленьком пруду и останутся неизменными, вечными в этом бегущем, стремительно меняющемся, вертящемся в вихре времен, в воронке времени, только они, да я, мраморная Флора под сенью кружева дубов, сшитых золотой нитью солнца...

Облака...
Небо...
Да лебеди в маленьком пруду...
И я...
Мраморная Флора...

Валерия Трифонова

Профессия: писатель

И его отношения с временем

Ты что-нибудь знаешь о Времени?
Часы, минуты, секунды?
Точно знаешь?
Прошлое?
Настоящее?
Будущее?
А что, если я продолжу? Смерть, жизнь...
Прошлое, настоящее, будущее...
Смерть, жизнь...
А что если это всё одно и то же?
Ну что же ты... я поворачиваю карусель, и затухающая свечка отбрасывает тени металлических фигурок, кружащих в танце, на стол, стены и твоё лицо.
Ты здесь?
Не уходи...
Или канешь во Времени.
Уже навсегда.

Как необъяснимо, а порой даже дико переплетается прошлое и настоящее. Вот ты вздохнул, а твои лёгкие уже наполнились густым ароматом истории — пылью, ведь пыль — самый настоящий фантом прошлого; ты же «здесь и сейчас», а в твоих лёгких — что-то далекое. Беги, беги и не оглядывайся назад, «никогда не оглядывайся назад», а если оглянуться? Что будет?

Невидимые глазу нити, оплетающие всё вокруг — нити судеб, они льются подобно ручьям, вливаются в горные реки, бурные потоки которых режут камни и пробивают себе путь. Несётся ли Время с душами людей, или же это константа? Не оглядывайся, потому что тогда ты увидишь прошлое, которое неумолимо следует за тобой по пятам. А если уже оглянулся, то будь готовым встретить его и принять, как принимают данных свыше родителей, как основу, которую ты будешь беречь и хранить.

Зима — особое хрупкое состояние души. Хрусталь. Поверить в волшебство всегда легче именно зимой, так же как и поверить в реальность. Зимой, когда всё дышит будто через марлю, и все непроизнесённые слова — морозный узор, зимой, когда воздух хрустит и раскалывается на абстрактные фигуры в твоих глазах — именно тогда Время останавливается, и граница между прошлым и настоящим стирается, обнажаются и сливаются воедино пласты эпох. Мало кто может увидеть это, но зато почти все могут прочитать. Писать и переводить язык Времени и язык Вселенной на язык людей — вот удел писателей.

Я чувствую морозный запах яблок, зима всегда немного пахнет яблоками. Наверное, поэтому история жизни Якоба Баха — это именно этот запах. А ведь он — олицетворение России. Пускай вся наша бескрайняя страна — птица-тройка — будет мчаться в ореоле тумана морозного и яблочного. Хрустит этим яблочным морозом весь мир романа «Дети мои», кажется, что холод там ползёт со страницы на страницу, и холод этот — дыхание Истории. Кажется, что нет ничего важнее, чем «здесь и сейчас». Писатели должны пропускать современность сквозь призму собственного сознания, заставляя раскрыть глаза и смотреть вокруг другим взглядом, но так часто авторы вместо современности раскрывают нам прошлое. Почему они не идут вперёд, почему не оглядываются по сторонам, почему так часто смотрят назад на то, что ушло (Безвозвратно ли? И ушло ли в действительности?). Вернёмся к истории Якоба Баха — русского немца, учителя немецкого языка в школе колонии Гнаденталь. Советский союз, 30-е годы двадцатого века. Почти у всех людей, уважающих историю своей страны, а значит и себя, возникает ряд ассоциаций. Репрессии, голод, тьма, Сталин. И всё это ещё может пахнуть морозными яблоками, в которых чуть теплится жизнь. Это сам дар жизни — зерно в ту эпоху начинает уменьшаться, пока не достигает крошечных размеров. Оно есть, и оно страдает от этого холодного дыхания времени. Но ведь и сейчас ничего не изменилось.

Когда наш русский писатель пишет про свою страну, он пишет про зерно России, её душу; иногда кажется, что именно это зерно является ядром нашей планеты, что наша страна и есть отдельная планета, отдельный мир, который ни один пришелец не поймёт и не примет. А как иначе? «Бах» («Bach») в переводе с немецкого «ручей», он живёт в районе Поволжья, и он сказочник. В действительности, Якоб Бах — сама Россия, он и не человек, ручей скорее, как и его имя, безмолв-

ный дух. Бах, который терпит ледяное дыхание нещадной эпохи в затылок, продолжает жить и любить мир, находит точку опоры в том, что бессмертно — в словах, написанных на бумаге, в чистоте весны, в мертвенности зимы, в глубине и холоде реки. Россия, матушка, страдалица. Она крепко сжимала губы и смотрела вперёд глазами, полными скорби, кричала «Христос Воскресе» и покрывала голову пепельным платком в течение всей своей истории. Она заслужила светлое будущее, как и её народ.

Железный занавес, который накрыл не только страну Советов, но и литературу нашей страны, рассеялся. Сейчас-то самое время, когда мы можем смотреть на прошлое, когда мы можем кричать, петь и писать о нём. Сейчас — то самое время, когда двадцатый век обнажился со всеми своими скелетами; копай могилы, обнажай правду, оглядывайся и оглядывайся, там позади — пропасть с золотом — людьми-героями, историями потерь и побед. Там и старый немец-сказочник Якоб Бах, и татарка Зулейха, мать и воплощение женской силы, ещё одна героиня Гузель Яхиной. Это огромное нечто или ничто, махина из четырёх букв, три из которых «С» всё-таки имело душу России, сшитую из разноцветных ярких лоскутов-национальностей. Зулейха — татарская женщина, всю свою историю она, как Бах, практически безмолвна; это молчание у них больше, чем слова — язык мира, язык души. Она тоже, как и главный герой романа «Дети мои», прикреплена к земле, в них слишком много общего, оба эти героя не дети эпохи, а дети мира и земли, нашедшие покой в лесах и воде. Время не властно над природой.

Как же?

Так ведь всё циклично. Смерть и жизнь — это начало и конец, которого нет в кругу Времени. Всё циклично. Зима всегда будет сменяться весной, а осень — зимой. Смерть всегда будет началом жизни, а жизнь — началом смерти. А история?

История — круг? Прямая? Гипербола? Кривая?

Для нас часто достижение целей — предел всех мечтаний. Но настоящее, наше настоящее всё равно станет прошлым, а значит, что вся жизнь и есть История.

Человек как дерево. Дерево не живёт без корней, так и человек не живёт без прошлого. И в этом прошлом воплощаются все его корни, семья.

Самое священное явление нашего мира — материнство, любовь матери к своему ребёнку воплощается в силе Зулейхи. Как и Якоб Бах, воспитывающий хоть и не свою дочь, но любящий её как родную, Зулейха находит в бескрайней любви к своему ребёнку источник жизни, настоящего бессмертия. И хоть обнажай ты правду страшной эпохи репрессий, годов голода и раскулачивания, страшной жестокости, нечеловеческого зла и Тьмы, зерно Жизни будет вечным, зерно человеческой бессмертной души будет питать эту землю Светом, и у нас будет будущее, которое обязательно станет прошлым, станет Историей. Но сейчас мы здесь. Здесь в понятии времени. И не всегда это можно принять. Тогда чувствуешь себя «авиатором Платоновым» — героем романа «Авиатор» Евгения Водолазкина, который проснулся не в то время. Будто новорождённый, Платонов начинает постигать современность, в которой он оказался. А здесь всё не так. Он будто попадает из мира многомерного в «плоскостный». Все новшества, изменения и изобретения, которые, казалось бы, должны были сделать мир лучше, не сделали его таковым. Для Платонова грань между прошлым и настоящим настолько тонка, что он практически слышит и видит всех своих современников, людей, не существующих «здесь и сейчас», но живущих в измерении прошлого. В это измерение вливаются все платоновские воспоминания. Он видит свет в своём бывшем доме, и вот ему кажется, что там внутри его семья; и здесь всё становится единым: и история, как прошлое жизни мира, и его собственное прошлое, как часть его жизни. Платонов прячется в истории. А может, то же делают и писатели, не желая принимать настоящее, желая спастись от действительности? Читатели всегда могут спрятаться в книги, но куда прятаться писателям, как не в историю?

Но только если они не верят в слияние прошлого и настоящего. А ведь это слияние есть.

Земля всегда одна, два века назад, век назад или же сейчас.

Она одна бессмертна, как бессмертно небо всё то же над нашими головами.

Прошлое? Настоящее? Будущее? А что если это всё одно и то же?

Смерть, жизнь...

Прошлое, настоящее,

будущее...

Знаменитые российские парусные корабли

Ботик Петра I

Ботик Петра Великого, с которого началась история русского флота, принято ласково называть «Дедушкой русского флота». В 1688 г. внимание юного Петра I привлек принадлежавший его двоюродному деду ботик. Будущий основатель русского регулярного военного флота на этом суденышке сначала на Яузе, а затем на Измайловском пруду и Переяславском озере делал свои первые шаги по изучению основ морского дела. На Переяславском озере им вскоре была создана целая «флотилия» подобных судов.

Яхта «Святой Петр»

«Святой Петр» — первый русский военный корабль, пронесший российский флаг в зарубежных водах. Яхта Петра I построена в Архангельске по голландскому образцу в 1693 г. Этот небольшой парусник имел одну мачту с прямым и косым парусами и был вооружен 12 трехфунтовыми пушками. Петр I впервые вышел на нем в открытое море сопровождать уходившие из Архангельска голландские и английские купеческие суда и дошел с ними до восточных берегов Кольского полуострова. Отслужив тридцатилетнюю морскую службу, яхта стала первым в Архангельске музейным объектом.

Корабрь «Крепость»

Первый русский военный корабль, вышедший в Черное море

и посетивший Константинополь. Построен в Паншине, недалеко от устья Дона. Длина — 37,8, ширина — 7,3 м, экипаж — 106 человек, вооружение — 46 орудий. Летом 1699 г. «Крепость» под командованием капитана Памбурга доставила в Константинополь посольскую миссию, возглавляемую думным советником Ем. Украинцевым. Появление русского военного корабля у стен турецкой столицы, а всей русской эскадры у Керчи вынудило турецкого султана заключить с Россией мирный договор. Этот поход «Крепости» примечателен еще и тем, что русские моряки впервые произвели гидрографические промеры Керченского пролива и Балаклавской бухты, а также составили первые планы Крымского побережья.
Во время стоянки в Константинополе на борту «Крепости» побывали многие турецкие и зарубежные специалисты, давшие высокую оценку русскому судостроению.

«Гото Предестинация»

Российский 58-пушечный парусный линейный корабль, спущенный на воду 27 апреля

(8 мая) 1700 г. на воронежской верфи. Строился по проекту Петра I под руководством известного в будущем корабельного мастера Федосея Моисеевича Скляева. Петр I принимал участие и в кораблестроительных работах; он же руководил церемонией закладки корпуса и участвовал в спуске корабля на воду. «Гото Предестинация» стал первым российским линейным кораблем и первым кораблем IV ранга по британской ранговой классификации 1706 г., созданным в России без участия иностранных специалистов. Во время своей службы линейный корабль входил в состав Азовского флота.